

Технология поведения

Б. Скиннер (1904-1990) — американский психолог, представитель бихевиоризма, профессор психологии Гарвардского университета, внес значительный вклад в теорию и методики обучения, разработал философию "науки человеческого поведения", служащую основой социального бихевиоризма.

Основные произведения: *"The behavior of organism"* (1938), *"Science and human behavior"* (1956), *"Reflektions on bahaviorism ans society"* (1978)

Публикуемый ниже сокращенный текст дается по источнику: Б. Ф. Скиннер *Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тксты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Издво МГУ. 1994. С. 30-46. (Текст представляет собой 1-ю главу кн.: Skinner B. F. Beyond Freedom and Dignity . N.Y. 1971. P. 3-25. Перевод А. Гараджу)*

Пытаясь разрешить те устрашающие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в сегодняшнем мире, мы, естественно, обращаемся к приемам, которые нами лучше всего освоены. Мы отправляемся от силы, а наша сила — наука и технология. Чтобы сдержат демографический взрыв, мы ищем лучшие способы контроля над рождаемостью. Перед лицом угрозы ядерного уничтожения мы создаем все более крупные сдерживающие силы и противоракетные системы. Мы пытаемся предотвратить голод в мировых масштабах новыми видами пищи и лучшими способами ее выращивания. Усовершенствование санитарии и медицины, как мы надеемся, обеспечит контроль над заболеваемостью, улучшение жилищных условий и совершенствование транспортной системы решит проблемы трущоб, а новые способы сокращения и размещения отходов остановят загрязнение окружающей среды. Мы можем указать на значительные достижения во всех этих областях, и неудивительно, что нам хотелось бы умножить их число. Но наши дела идут все хуже, а то обстоятельство, что и сама технология все чаще оказывается беспомощной, отнюдь не придает уверенности. Санитария и медицина заострили демографические проблемы, война приобрела чудовищный облик с изобретением ядерного оружия, а массовая погоня за благополучием в значительной степени ответственна за загрязнение среды. Как выразился Дарлингтон, «каждый новый источник преумножения своего могущества на земле был использован человеком так, что перспективы его потомства значительно сузились. Весь его прогресс был достигнут ценой ущерба его окружению, который он не может исправить и не мог предвидеть».

Мог человек предвидеть этот ущерб или нет, исправить его он должен, иначе все будет кончено. И он может сделать это, если осознает природу вставшего перед ним затруднения. Практическое приложение одних только физических и биологических наук не решит этих проблем, потому что решения лежат в совсем иной сфере... Короче говоря, мы нуждаемся в крупномасштабных изменени-ях человеческого поведения и осуществить их при помощи одних только физики и биологии мы не в состоянии, как бы усердно мы ни работали. (А ведь имеются и другие проблемы, такие, как развал нашей образовательной системы или недовольство и бунт молодежи, для разрешения которых физическая и биологическая технологии столь очевидно не годятся, что никогда и не использовались.) Недостаточно «использовать технологию с более глубо-ким пониманием человеческих забот», или «подчинить технологию духовным нуждам человека», или «заставить технологов обратиться к людским проблемам»...

Что нам необходимо, так это технология поведения. Однако поведенческой технологии, сопоставимой по мощи и точности с физической и биологической, не существует, а те, кто не находит саму ее возможность смехотворной, будут ею скорее напуганы, чем утешены. Вот как мы далеки и от «понимания человеческих забот» в том же смысле, в каком физика или биология понимают проблемы своих областей, и от овладения средствами предотвра-щения катастрофы, к которой мир, кажется, неотвратимо приближается.

Двадцать пять веков назад можно было, наверное, сказать, что человек понимает себя самого так же хорошо, как и любую другую часть своего мира. Сегодня человек есть то,

что он понимает менее всего. Физика и биология проделали большой путь, но сопоставимое развитие какого-то подобия науки о человеческом поведении заметить непросто. Греческие физика и биология сегодня представляют лишь исторический интерес (никакой современный физик или биолог не обратится за помощью к Аристотелю), но диалоги Платона все еще изучаются и цитируются так, как если бы они проливали какой-то свет на природу человеческого поведения. Аристотель не сумел бы понять и страницы из современного труда по физике или биологии, но Сократ со своими друзьями, едва ли затруднился бы уловить смысл самых современных работ, посвященных делам человеческим...

Всегда можно сослаться на то, что человеческое поведение особенно трудная область. Это действительно так, и мы легко склоняемся к этой мысли, потому что столь неловки в обращении с поведением. Но современная физика и биология с успехом рассматривают предметы, которые в любом случае не проще, чем многие стороны человеческого поведения. Разница в том, что инструменты и методы, которыми они пользуются, обладают соизмеримой сложностью.

...В определенном смысле можно сказать, что научные методы вообще едва ли когда-либо применялись к человеческому поведению. Мы воспользовались научным инструментарием, мы считали, измеряли и сопоставляли, однако нечто существенное для научной практики оказалось упущенным почти во всех современных исследованиях человеческого поведения. Это нечто связано с нашей трактовкой причин поведения. (В усложненных научных текстах термин «причина» больше не пользуется популярностью, но здесь он уместен.)

Первое знакомство с причинами человек приобрел, вероятно, в своем собственном поведении: вещи приходили в движение, потому что он их двигал. Если двигались другие вещи, значит, их двигал кто-то еще, и если этот двигатель невозможно было увидеть, то это объяснялось тем, что он невидим. Греческие боги служили, таким образом, причинами физических явлений. Обычно они помещались вне вещей, которые они двигали, но могли также входить внутрь и «содержать» их. Физика и биология вскоре отказались от объяснений такого рода и обратились к более подходящим видам причин, но в сфере человеческого поведения этот шаг так и не был решительно предпринят. Образованный человек больше не верит в одержимость бесами (хотя порой изгнание бесов еще практикуется, а демоническое вновь возникает на страницах сочинений психотерапевтов), но человеческое поведение все еще повсеместно связывается с какими-то внутренними агентами. О молодом преступнике говорят, например, что он страдает расстройством индивидуальности (personality). Это высказывание было бы бессмысленно, если бы душа каким-то образом не отличалась от тела, попавшего в передрагу. Различие это недвусмысленно подразумевается, когда говорят о нескольких индивидуальностях, заключенных в одном теле и контролирующих его различным образом в различные моменты. Психоаналитики насчитывают три такие индивидуальности — Эго, Супер-Эго и Ид, — взаимодействие которых считается ответственным за поведение человека, в котором они «обитают».

Хотя физика уже очень давно отказалась подобным образом олицетворять свои объекты, она еще долго продолжала говорить о них так, будто они обладают волей, побуждениями, чувствами, целями и другими фрагментарными атрибутами внутренних агентов. Согласно Беттерфилду, Аристотель утверждал, что падающее тело ускоряется потому, что становится веселее, чувствуя себя ближе к дому, а позднейшие авторитеты предполагали, что снаряд движим неким импульсом, порой называвшимся «импульсивностью». Все это в конце концов было забыто, и хорошо, что забыто, но наука о поведении тем не менее все еще апеллирует к подобным внутренним состояниям. Никто не удивляется, услышав, что человек, несущий добрые вести, движется быстрее, поскольку чувствует себя веселее, или поступает легкомысленно из-за своей импульсивности, или упрямо придерживается намеченного из-за одной только силы воли. Неосмотрительные ссылки на цель все еще встречаются и в физике и в биологии, но в добротной практике им нет места; и тем не менее почти всякий связывает человеческое поведение с намерениями, целями, целеустремленностью. Если все еще имеется возможность спросить, может ли машина

проявить целеустремленность, такой вопрос, очевидно, предполагает, что она больше будет напоминать человека, если может проявить ее...

Почти всякий, затрагивающий в своих исследованиях гуманитарные вопросы: в качестве политолога, философа, литератора, экономиста, психолога, лингвиста, социолога, теолога, антрополога, педагога или психотерапевта,— продолжает рассуждать о человеческом поведении именно таким донанучным способом.

Мы можем услышать, что для осуществления контроля над численностью мирового народонаселения необходимо изменить установки по отношению к детям, преодолеть чувство гордости численностью семьи или своими сексуальными возможностями, сформировать какое-то чувство ответственности по отношению к потомству и уменьшить значение той роли, которую большая семья играет в снижении беспокойства о преклонном возрасте. В деятельности, направленной на достижение мира, нам приходится иметь дело с волей к власти или параноидальными заблуждениями лидеров; мы должны помнить, что войны начинаются в людских умах, что в человеке есть нечто самоубийственное,— вероятно, влечение к смерти,— которое приводит к войнам, и что человек агрессивен по природе. Для решения проблем бедных мы должны пробуждать самоуважение, инициативу и снижать уровень фрустрации. Чтобы унять недовольство молодежи, мы должны обеспечить ей чувство цели и ослабить ощущение отчужденности и безнадежности. А осознав, что она не располагает действенными средствами для того, чтобы осуществить все это хотя бы частично, мы сами имеем возможность испытать кризис веры или утрату уверенности, которые можно преодолеть лишь возвратом к вере во внутренние возможности человека. Это, как то, что дважды два, почти никто не подвергает сомнению. Однако ничего подобного нет в современных физике и биологии, и это обстоятельство может хорошо объяснить, почему так долго не появлялись наука о поведении и технология поведения.

Измерения мира сознания... действительно поднимают серьезные проблемы, но обычно ими можно пренебречь, и это может оказаться хорошей стратегией, так как важнейшее возражение ментализму совсем иного рода. Мир сознания мешает нам видеть поведение в качестве самоценного предмета рассмотрения. В психотерапии, например, отклоняющиеся от нормы слова и поступки человека почти всегда рассматриваются просто как симптомы и сопоставляются с захватывающими драмами, помещаемыми в глубины сознания,— само поведение считается, конечно же, поверхностным явлением. В лингвистике и литературной критике то, что высказывает человек, почти всегда считается выражением каких-то идей или чувств. В политологии, теологии и экономике поведение обычно рассматривается в качестве материала, из которого выводятся установки, намерения, потребности и т.д. На протяжении более двадцати пяти столетий пристальное внимание было приковано именно к психической жизни, но лишь в последнее время была предпринята хоть какая-то попытка исследовать человеческое поведение как нечто большее, нежели простой побочный продукт.

Так же игнорируются и условия, функцией которых поведение является. Ментальное объяснение кладет конец любопытству. Мы можем наблюдать этот эффект в каком-нибудь случайном разговоре. Если мы кого-либо спрашиваем: «Почем вы пошли в театр?» и этот человек отвечает: «Потому что я чувствовал желание сходить», мы склонны воспринимать его ответ как род объяснения. Гораздо ближе к существу дела было бы выяснение того, что происходило, когда он ходил в театр в прошлом, что он слышал или читал о пьесе, которую он пошел посмотреть, и что в его окружении в прошлом и настоящем могло побудить его пойти (а не сделать что-то другое), но мы принимаем «я чувствовал желание сходить» как род обобщения всего этого и не склонны расспрашивать о деталях.

Профессиональный психолог часто останавливается на этой же стадии. Прошло уже много времени с тех пор, как Уильям Джемс пытался исправить господствующую точку зрения на отношение между чувствами и поступком, утверждая, например, что убегаем мы не потому, что пугаемся, а пугаемся потому, что убегаем. Другими словами, то, что мы чувствуем, когда мы чувствуем страх, есть наше поведение — то самое поведение, которое, согласно традиционной точке зрения, выражает чувство и им объясняется. Но сколько было тех, кто, размышляя над аргументом Джемса, сумел заметить, что на деле здесь не было

отмечено никакого предшествующего события? И какое «потому что» не должно восприниматься всерьез. Никакого объяснения того, почему мы убегаем и чувствуем страх, предложено не было.

Независимо от того, считаем ли мы, что объясняем чувства или поведение, которое предполагается обусловленным чувствами, мы уделяем очень мало внимания предшествующим обстоятельствам.

Не будучи в состоянии понять, каким образом или почему человек, которого мы видим, ведет себя так, а не иначе, мы приписываем его поведение какому-то человеку, которого мы не можем видеть, чье поведение мы также не можем объяснить, но о котором мы не склонны задавать никаких вопросов. Возможно, мы принимаем эту стратегию не столько из-за отсутствия интереса или способности, сколько из-за давнишнего убеждения в том, что большинство проявлений человеческого поведения не имеет никаких релевантных антецедентов. Функция этого внутреннего человека состоит в том, чтобы обеспечить какое-то объяснение, которое в свою очередь объяснения не получит. Дальше него никакие объяснения не идут. Он не является неким посредником между прошлыми событиями личной истории и настоящим поведением, он является серединой, из которой поведение эманерирует. Он дает начало, порождает и созидает, и, делая все это, он остается божественным, каким его воспринимали и греки. Мы говорим, что он автономен с точки зрения науки о поведении, а это значит чудесен.

Эта позиция, конечно же, уязвима. Автономный человек служит для объяснения только тех вещей, которые мы еще не в состоянии объяснить иными путями. Его существование зависит от нашего невежества, и он естественным образом утрачивает свой статус, когда мы начинаем узнавать о поведении больше. Задача научного анализа состоит в том, чтобы объяснить, каким образом поведение человека как некой материальной системы соотносено с теми условиями, в которых эволюционировал человеческий вид, а также с условиями, в которых существует данный индивид... Молодые люди бросают школу, отказываются идти работать и общаются лишь со своими сверстниками не потому, что чувствуют отчуждение, а потому, что порочным является социальное окружение в семьях, школах, на заводах и в прочих местах.

Мы можем, последовав примеру физики и биологии, обратиться непосредственно к отношению между поведением и окружением и пренебречь мнимыми опосредующими состояниями сознания. Физика не прогрессирует, присматриваясь к ликованию свободно падающего тела, а биология — к природе витальных духов; так же и нам, чтобы преуспеть в научном анализе поведения, нет необходимости пытаться раскрыть, чем же в действительности являются индивидуальности, состояния сознания, чувства, черты характера, планы, замыслы, намерения или иные принадлежности автономного человека.

Почему нам потребовалось столько времени, чтобы прийти к этому? На это есть свои причины. Объекты изучения физики и биологии не ведут себя совсем как люди, и в конечном счете довольно смешно говорить о ликовании падающего тела или об импульсивности снаряда; но люди ведут себя именно как люди, и внешний человек, чье поведение должно быть объяснено, может очень походить на внутреннего человека, чье поведение, как утверждается, его объясняет. Внутренний человек был сотворен по образу и подобию внешнего.

Более важная причина состоит в том, что нам кажется, будто внутреннего человека порой можно непосредственно наблюдать. Мы должны выдумать ликование падающего тела, но разве мы не в состоянии чувствовать свое собственное ликование? Мы действительно чувствуем вещи внутри себя, но мы не чувствуем вещей, которые были изобретены для того, чтобы объяснить поведение. Одержимый человек не чувствует владеющего им беса и даже может вообще отрицать существование бесов. Малолетний преступник не чувствует свою расстроенную индивидуальность. Разумный человек не чувствует своей разумности, интроверт — своей интровертности. (На деле утверждается, что эти измерения сознания или характера могут наблюдаться лишь при помощи сложных статистических процедур.)

Говорящий не чувствует грамматических правил, которые он, как утверждается, применяет при составлении предложений, и люди говорили грамматически за тысячи лет до того, как что-либо узнали о существовании каких-то правил. Респондент вопросника не чувствует

установок, или мнений, которые приводят его к особому выбору пунктов. Мы действительно чувствуем определенные состояния своих тел, связанные с поведением, но, как отметил Фрейд, мы ведем себя точно так же и тогда, когда мы не чувствуем их: они — побочные продукты и их не следует путать с причинами.

Есть и гораздо более важная причина того, что мы столь медленно отвергаем менталистские объяснения: им трудно было найти какие-либо альтернативы. Очевидно, мы должны искать их во внешнем окружении, но роль окружения никоим образом нельзя считать ясной. История теории эволюции иллюстрирует эту проблему. До XIX века окружение мыслилось просто пассивной обстановкой, в которой множество различных видов организмов рождаются, воспроизводят себя и умирают. Никто не замечал, что окружение ответственно за то обстоятельство, что имеется множество видов (и это обстоятельство достаточно знаменательным образом приписывалось некоему творческому Разуму). Трудность заключалась в том, что окружение действует незаметно: оно не выталкивает и не вытягивает, оно отбирает. На протяжении тысячелетий истории человеческого мышления процесс естественного отбора оставался незамеченным, несмотря на его исключительную важность. Когда он в конце концов был открыт, он стал, конечно же, ключом к созданию эволюционной теории.

Воздействие окружения на поведение оставалось неясным на протяжении даже еще более длительного периода времени. Мы можем видеть, что организмы делают с окружающим их миром, когда они берут из него то, в чем нуждаются, или защищаются от его опасностей, но гораздо сложнее увидеть, что этот мир делает с ними. Первым, кто предположил, что окружение может играть активную роль в определении поведения, был Декарт, и он, очевидно, оказался способным на это предположение лишь потому, что получил одну явную подсказку. Ему было известно о неких автоматах в Королевских садах Франции, которые приводились в действие гидравлически, скрытыми от глаз клапанами. Как описывал это Декарт, люди, вступающие в сады, «обязательно наступают на некие плиты или камни, которые устроены таким образом, что если люди приближаются к купающейся Диане, эти автоматы заставляют ее скрыться в розовых кустах, а если же люди пытаются преследовать ее, они заставляют выступить вперед Нептуна, угрожающего трезубцем». Эти фигуры были знаменательны именно тем, что вели себя как люди, и поэтому создавалось впечатление, что нечто, очень похожее на человеческое поведение, может быть объяснено механически. Декарт знал по подсказке: живые организмы могут двигаться по схожим причинам. (Он исключал человеческий организм, очевидно, чтобы избежать религиозных споров.)

Взрывное (triggering) действие окружения стало называться «стимулом» — это латинское слово обозначает «стрекало», а действие на организм — «откликом», и вместе они, как считалось, составляли «рефлекс». Впервые рефлексы стали демонстрироваться на маленьких обезглавленных животных, например сала-мандрах, и весьма примечательно, что этот принцип подвергался нападкам на протяжении всего XIX века, потому что он, казалось, отрицал существование некоего автономного агента — «души спинного мозга», — которому (прежде) приписывалось движение обезглавленного тела. Когда Павлов показал, как в результате дрессировки могут быть образованы новые рефлексy, родилась окончательно оформившаяся психология стимула — отклика, в рамках которой все поведение рассматривалось в качестве реакций на стимулы. Один из авторов выразил это таким образом: «Мы идем по жизни, подгоняемые тычками и хлыстом». Однако модель стимула — отклика никогда не была особенно убедительной и она не решала основной проблемы, поскольку нечто вроде внутреннего человека все равно должно было быть изобретено для обращения стимула в отклик. Теория информации натолкнулась на ту же проблему, когда для обращения входа в выход потребовалось изобрести некий внутренний „процессор“.

Воздействие провоцирующего (eliciting) стимула сравнительно легко наблюдать, и неудивительно, что декартова гипотеза длительное время занимала в теории поведения господствующие позиции; но то был ложный след, с которого только теперь сходит научный анализ. Окружение не только тычет и хлещет, оно отбирает. Его роль схожа с ролью естественного отбора, хотя и в совершенно ином временном масштабе, и по этой

самой причине она и была упущена из виду. Теперь стало ясно: мы должны учитывать, что делает с организмом окружение не только прежде, но и после того, как он совершает отклик. Поведение оформляется и поддерживается своими последствиями. Как только этот факт осознается, мы получаем возможность сформулировать взаимодействие между организмом и окружением гораздо более всесторонним образом.

Налицо два важных результата. Один касается фундаментального анализа. Поведение, которое оперирует с окружением, чтобы произвести какие-то последствия («оперирующее» поведение), может быть изучено посредством моделирования окружений, в которых определенные последствия возможны по отношению к этому поведению. В ходе исследования возможности неуклонно становились все более сложными и одна за другой принимали те объяснительные функции, которые прежде отводились индивидуальностям, состояниям сознания, чертам характера, замыслам и намерениям. Второй результат — практического характера: окружением можно манипулировать. Верно, что человеческий генофонд может изменяться лишь очень медленно, но изменения в окружении индивида имеют быстрые и драматические результаты. Технология оперирующего поведения, как мы увидим, уже достаточно развита, и она может оказаться под стать нашим проблемам.

Эта возможность, однако, поднимает другую проблему, которую необходимо решить, если мы собираемся воспользоваться своими достижениями. Мы продвинулись вперед, экспроприировав внутреннего человека, но он не ушел со сцены просто так. Он проводит своего рода арьергардные бои, для которых, к несчастью, он в состоянии получить серьезные подкрепления. Он все еще важная фигура в политологии, праве, религии, экономике, антропологии, социологии, психотерапии, этике, истории, образовании, педагогике, лингвистике, архитектуре, городском планировании и семейной жизни. В каждой из этих областей есть свой специалист, и у каждого специалиста есть своя теория, и почти в каждой теории автономия индивида не подвергается никакому сомнению. Внутреннему человеку нет серьезной угрозы со стороны данных, полученных с помощью случайного наблюдения или из исследований по структуре поведения, и во многих из этих областей рассматриваются лишь группы людей, в которых статистические или актуарные данные накладывают мало ограничений на индивида. Результат — огромный перевес традиционного «знания», которое должно быть исправлено или заменено неким научным анализом.

Особенное беспокойство причиняют две черты автономного человека. Согласно традиционной точке зрения человек свободен. Он автономен в том смысле, что его поведение не вызывается никакой причиной (uncaused). Он поэтому может считаться ответственным за то, что делает, и справедливо наказываться, если совершает проступок. Эта точка зрения вместе со связанной с ней практикой должна быть пересмотрена, коль скоро научный анализ вскрывает такие контролирующие отношения между поведением и окружением, о которых прежде никто не подозревал. Определенная доля внешнего контроля могла допускаться и раньше. Теологи признали тот факт, что действия человека должны предопределяться всеведущим Богом, а излюбленной темой греческих драматургов была неумолимая судьба. Ясновидцы и астрологи часто заявляют о своей способности предсказывать человеческие поступки, и на них всегда был спрос. Биографы и историки всегда выявляли некие «влияния» в жизни индивидов и народов. Народная мудрость и прозрения таких эссеистов, как Монтень и Бэкон, предполагают какой-то род предсказуемости в человеческом поведении, а статистические и актуарные свидетельства социальных наук указывают в том же направлении.

Автономный человек выживает перед лицом всего этого потому, что он — счастливое исключение. Теологи примирили предопределение со свободной волей, а греческая публика, взволнованная изображением неумолимой судьбы на сцене, вне театра чувствовала себя свободной. Весь ход истории поворачивает смерть какого-нибудь вождя или буря на море, а жизнь индивида полностью изменяют какой-нибудь наставник или любовная история, но ведь эти вещи случаются не с каждым и они не воздействуют на каждого одинаковым образом. Некоторые историки даже обратили непредсказуемость истории в добродетель. Актуарное свидетельство легко игнорируется; мы читаем, что сотни людей погибли в результате дорожных катастроф в праздничный уикенд, и беспечно

пускаемся в путь, словно нас лично это совершенно не касается. Мало какая поведенческая наука воскрешает «призрак предсказуемого человека». Напротив, множество антропологов, социологов и психологов воспользовались своими экспертными знаниями как раз для того, чтобы доказать, что человек обладает свободой, целями и ответственностью. Если не очевидность, то хотя бы вера делала Фрейда детерминистом, но множество фрейдистов не испытывают никаких колебаний, заверяя своих пациентов в том, что они свободны выбирать между различными направлениями действия и в конечном счете являются архитекторами своих судеб.

Эта спасительная лазейка понемногу начинает закрываться — по мере того как открываются новые свидетельства предсказуемо-сти человеческого поведения. Личное освобождение от полного детерминизма упраздняется по мере того, как прогрессирует научный анализ, особенно в том, что касается поведения индивида. Джозеф Вуд Крач (Krutch) признал актуарные факты, настаивая при этом на личной свободе: «Мы можем со значительной долей точности предсказать, что множество людей отправится к морю в день, когда температура достигнет определенной отметки, и даже сколько прыгнет с моста... хотя ни меня, ни вас ничто не вынуждает делать что-либо подобное». Но он едва ли может подразумевать под этим, что те, кто отправится к морю, не отправятся по основательным причинам, или что обстоятельства жизни самоубийцы не имеют никакого значения для объяснения факта его прыжка с моста. Различие здесь остается обоснованным лишь до тех пор, пока такое слово, как «вынуждать», предполагает какой-то особенно бросающийся в глаза и насильственный образ контроля. Научный анализ, естественно, движется в направлении прояснения всех видов контролирующих отношений.

Подвергая сомнению контроль, осуществляемый автономным человеком, и демонстрируя контроль, осуществляемый окружением, наука о поведении также, очевидно, подвергает сомнению и достоинство человека. Личность ответственна за свое поведение не только в том смысле, что она может быть осуждена или наказана в случае, если ведет себя дурно, но также и в том смысле, что ей можно доверять и восхищаться ее достижениями. Научный анализ переносит как доверие, так и осуждение на окружение, и после этого никакая традиционная практика уже не может быть оправдана. Это грандиозные изменения, и те, кто привержен традиционной теории и практике, естественно, сопротивляются им.

Имеется и третий вид затруднения. Когда на первый план начинает выдвигаться окружение, индивид, очевидно, оказывается подвержен новому виду опасности. Кто будет конструировать контролирующее поведение и с какой целью? Автономный человек предположительно контролирует себя сам, в соответствии с неким встроенным в него набором ценностей; он работает на то, что считает добрым. Но что сочтет добрым предположительный контролер и будет ли это добрым для тех, кого он контролирует? Утверждается, что ответы на вопросы такого рода отсылают, конечно же, к оценочным суждениям.

Свобода, достоинство и ценность — значительные вещи, и, к несчастью, они становятся все более решающими по мере того, как мощь технологии поведения становится более соразмеримой с теми проблемами, которые следует решать. Само изменение, которое принесло надежду на решение, ответственно за растущую оппозицию предложенному виду решения. Этот конфликт сам есть проблема человеческого поведения, и к нему следует подходить соответствующим образом. Наука о поведении далеко не так развита, как физика или биология, но ее преимущество в том, что она может пролить некоторый свет на свои собственные трудности. Наука есть человеческое поведение, и то же самое относится к оппозиции науке. Что произошло в человеческой борьбе за свободу и достоинство и какие проблемы возникают, когда научное знание оказывается способным принять участие в этой борьбе? Ответы на эти вопросы могут помочь расчистить путь для той технологии, в которой мы так остро нуждаемся.

Ниже эти предметы рассматриваются «с научной точки зрения», но это не означает, что читателю потребуется знать детали научного анализа поведения. Довольно будет одной лишь интерпретации. Природу такой интерпретации, однако, легко можно понять неверно... Когда мы пронаблюдаем поведенческие процессы в контролируемых условиях,

мы с большей легкостью можем отметить их в мире, простирающемся за стенами лабораторий. Мы можем идентифицировать значимые черты поведения и окружения и поэтому способны пренебречь незначительными, какими бы привлекательными они ни были. Мы можем отвергнуть традиционные объяснения, если они были опробованы и не доказаны в экспериментальном анализе, а затем с неослабевающим любопытством двинуться в нашем исследовании дальше. Приводимые ниже примеры поведения не предлагаются в качестве «доказательств» интерпретации. Доказательства следует искать в фундаментальном анализе. Принципы, использованные при интерпретации примеров, обладают такой вероятностью, которая отсутствовала бы в принципах, всецело выведенных из случайного наблюдения.

Почти все важнейшие проблемы связаны с человеческим поведением, и они не могут быть разрешены при помощи лишь физической и биологической технологий. Что нам нужно — так это технология поведения, но мы задержались с развитием науки, которая могла бы дать подобную технологию. Одна из трудностей состоит в том, что почти все из того, что зовется поведенческой наукой, продолжает возводить поведение к неким состояниям сознания, чувствам, чертам характера, человеческой природе и тому подобному. Физика и биология когда-то следовали подобной же практике и смогли прогрессировать лишь после отказа от нее. Поведенческие науки задержались со своим изменением отчасти потому, что объяснительные сущности часто казались непосредственно наблюдаемыми, и отчасти потому, что трудно было найти какие-то иные виды объяснений. Важность окружения была очевидной, но его роль оставалась неясной. Оно не выталкивает и не вытягивает, оно отбирает, и эту функцию трудно раскрыть и проанализировать. Роль естественного отбора в эволюции была сформулирована лишь немногим более ста лет тому назад, а избирательная роль окружения в оформлении и поддержании поведения индивида только лишь начинает признаваться и изучаться. Когда же взаимодействие между окружением и индивидом становится понятным, то эффекты, которые прежде приписывались состояниям сознания, чувствам и чертам характера, начинают возводиться к таким условиям, которые можно смоделировать, и технология поведения может поэтому стать доступной.

Но она не решит наши проблемы, пока не заменит собой традиционные донаучные воззрения, а эти последние имеют глубокие корни. Свобода и достоинство иллюстрируют эту трудность. Они являются собственностью автономного человека традиционной теории, и они существенны для практики, в рамках которой личность считается ответственной за свое поведение и получает поощрение за свои достижения. Научный анализ переносит как ответственность, так и достижения на окружение. Он поднимает также вопросы о «ценностях». Кто воспользуется этой технологией и с какими целями? Пока эти вопросы не разрешатся, технологию поведения будут продолжать отвергать, а вместе с ней и, возможно, единственный путь к решению наших проблем.